

BALKARISCHER WÖRTERSCHATZ

(Materialien zu einem balkar-russischen Wörterbuche)

Die vorliegende Wörtersammlung ist ein Ergebnis der Balkar-karatschajew'schen linguistischen Expedition, die von der Akademie der Wissenschaften der USSR auf Antrieb des Akademikers N. J. Marr unternommen worden war. Das Material ist im Jahre 1929 im Balkarien gesammelt worden und gibt die Hauptdialekte der balkarischen Sprache wieder. Das Wörterbuch ist in der Reihenfolge des analitischen (japhetidologischen) Alphabets geordnet; in Klammern werden zur Vergleichung die Formen aus dem Wörterbuch von Pröhle gegeben.

О ЯЗЫКЕ ЮЖНЫХ ОСЕТИН

Изучение осетинского языка трудами ряда русских и иностранных ученых сильно подвинулось вперед, во всяком случае, значительно дальше, чем изучение любого из горских языков.

Тем не менее в науке об осетинском языке есть несколько пробелов, и важнейшие из них, пожалуй, следующие:

- 1) очень мало сделано для выяснения взаимоотношений осетинского с соседними кавказскими языками,
- 2) мало исследованы диалекты.

Настоящая работа имеет целью дать некоторое представление об осетинских наречиях Южной Осетии на основании имеющихся текстов и исследований, а также материалов, собранных автором во время поездок 1926—1927 гг.

Прежде чем перейти к отдельным наречиям, считаю нужным сказать несколько слов об Юго-Осетии вообще. В отличие от остальных горских народов Кавказа, которые основной своей массой живут либо на северной, либо на южной стороне Главного хребта, осетины с давних пор расселены по обе его стороны. Поэтому различают Северную и Южную Осетию. Первая, примерно, в два с половиной раза больше второй. Северная Осетия входит как автономная область в Российскую федерацию, а Южная Осетия, тоже как автономная область, составляет, подобно Абхазии и Аджаристану, часть Грузинской ССР.

Население Юго-Осетии по последней переписи 1926 г. достигает 87 375, из них собственно осетин—60 351, остальные—грузины, а (в г. Цхинвали) также горские евреи, армяне и русские.

Кроме автономной области Юго-Осетии значительные осетинские поселения имеются в других районах Грузии: в районе Триалетии, Кахетии и других, так что общее число осетин в пределах ССР Грузии составляет 113 298 человек.

О времени поселения осетин в Юго-Осетии не имеется точных сведений. Оно происходило, надо думать, разновременно. Несомненно, что Южная Осетия представляет осколок Северной. В пользу этого говорит, между прочим, совпадение многих фамилий в Северной и Южной Осетии. Топонимика в низменных районах имеет обычно грузинский облик. В высокогорных районах она не объяснима ни из грузинского, ни из осетинского и является, повидимому, наследием какого-то доисторического населения.

В классических трудах А. Шёгрена, В. Миллера, Хюбшмана осетинская диалектология излагается в виде трехчастного деления: западное, или дигорское, восточное, или тагаурское (иронское), и южное, или туальское, наречия. Это деление предполагает существование особого единого юго-осетинского или туальского диалекта, причем границей между ними и северными наречиями считается Главный Кавказский хребет.

Основным источником знакомства с языком южных осетин для прежних исследователей были тексты церковного содержания, изданные в начале прошлого столетия известным юго-осетинским общественным и культурным деятелем Иваном Ялгузидзе. Затем в 1846 г. вышло исследование «Ueber

die Ossetische Sprache», основанное на юго-осетинском материале и принадлежавшее перу Георга Розена. И так как факты, которые дает Розен, совпадают в общем с фактами, заключающимися в текстах Ялгузидзе, то это обстоятельство еще более способствовало единению юго-осетинского наречия. В их убеждении в существовании единого юго-осетинского наречия.

Наблюдения мои убедили меня, что картину юго-осетинской диалектологии следует представлять в несколько ином виде. Во-первых, в Юго-Осетии имеется не одно, а три самостоятельных, имеющих ясно выраженные фонетические особенности, наречия. Во-вторых, если взять всю Осетию в целом, Главный хребет не играет в ней роли лингвистической границы между северными и южными наречиями; как это ни кажется странным, но диалекты распределяются так, как если бы никакого хребта не существовало: а именно, примыкающий непосредственно к хребту район Юго-Осетии (Рокский) дает, с небольшими отклонениями, те же языковые факты, что соседние районы Сев. Осетии, и, следовательно, должен быть отнесен туда.

Что касается того особого «туальского» наречия, которое засвидетельствовано в текстах Ялгузидзе и работе Розена, то оно занимает не всю Юго-Осетию, а лишь часть ее, именно западную. Наконец, существует еще третье наречие в восточной части Юго-Осетии, которое самими осетинами называется фсаунаг, т. е. ксанским, от названия реки Ксанки, по которой расселена главная масса осетин, говорящих на этом наречии.

Переходя к характеристике отдельных наречий, хотелось бы предварительно остановиться на некоторых спорных вопросах терминологии. Естественно, термин «южно-осетинское наречие» придется отбросить, так как единого южно-осетинского наречия не существует. Но как быть с термином «туальский», который Вс. Миллер, а за ним и другие совершенно ошибочно употребляют как синоним «южно-осетинского»? Вс. Миллер пишет в «Осетинских этюдах»: «По-туальски говорят южные общества, туальцы, т. е. осетины по ту сторону Кавказа, соседящие с грузинами». Если «туальцами» назвать тех, кого сами осетины так называют, то это утверждение Вс. Миллера в корне ошибочно: туальцы живут не по ту, а по эту сторону «Кавказа», т. е. хребта, и уж конечно они нигде не соседят с грузинами. «Туальцами» называются прежде всего жители высокогорных районов Сев. Осетии в верховьях реки Ардон, начиная от Кассарской теснины и до хребта. Сюда входят селения—Заромаг, Нар, Зруг, Тиб, Згил и др. В согласии со сказанным, у царевича Вахушта в его географии Грузии читаем: «Двалетия делится на следующие ущелья: Касрис-Хев-и, Зрамага, Жхеде, Нара, Зрого, Закка». Район, примыкающий к Туалетии на южной стороне хребта, осетины называют в отличие от собственно Туалетии Urs-двалдä, т. е. Белая Туалетия.

В грузинских памятниках Белая Туалетия названа «Магган Дваледи». Следуя терминологии самих осетин и данным грузинской истории и географии я называю Туалетией или Двалетией вышеуказанные высокогорные районы, примыкающие к хребту с обеих сторон, северной и южной, а не Юго-Осетию. Язык жителей этих районов не может быть назван особым осетинским наречием. Он представляет просто говор того иронского (тагаурского) восточно-осетинского языка, на материале которого базируются работы Шёгрена и Вс. Миллера.

Какие особенности туальского говора отличают его от северно-иронских? Главные из них по моим наблюдениям следующие:

- 1) сужение гласных, в особенности а и ä,
- 2) протяжное произношение,
- 3) замеченная еще Миллером для сел. Нар тенденция спирантизовать ð и ð̄, т. е. вместо ð̄ и ð̄̄ говорить s и z: säraŋ, qäzaŋ вместо ðäraŋ, qädaŋ.

В морфологии и словаре туальский говор целиком примыкает к северно-иронским. Из собственно юго-осетинских наречий, которых имеется два—западное и восточное, наибольший интерес представляет западное, и на нем я позволю себе остановиться несколько подробнее. Это то самое наречие, на котором были написаны книги Ялгузидзе, которое представлено в работе Розена и которое рассматривалось прежними исследователями как основной юго-осетинский или туальский диалект. Действительно этот диалект наиболее распространен; на нем говорит больше половины всего населения Юго-

Осетии, именно районы Джава, Ортеу, Земо-Картли, Цон, Кудар, по рекам Большой и Малой Лиахве, по реке Паца и по Кударскому ущелью.

Вахушт пишет про них: «Они все переселились в означенные места из Двалетии». Это утверждение Вахушта заслуживает полного доверия, но приходится допустить, что переселение произошло сравнительно давно, иначе трудно было бы объяснить те глубокие различия в фонетике, которые сейчас отделяют это наречие от северно-иронского диалекта, в том числе и от туальского говора.

Осетины называют это наречие «däwqouŋag» или «k.ədaŋag», т. е. «джавское» или «кударское», по имени двух крупнейших поселений. Положив себе за правило следовать народной терминологии, я должен был выбрать один из этих двух терминов. Я остановился на названии «джавский», как на более распространенном. Проф. Г. Ахвледиани, вслед за Вс. Миллером, называет диалект «двальским», с чем я не могу согласиться по приведенным выше соображениям. Наиболее характерная, бросающаяся в глаза особенность джавской фонетики по сравнению с иронской может быть определена так: иронский диалект есть диалект *чокающий*, джавский—*чокающий* и даже *шокающий*, т. е. в соответствии с иронским зубным ð̄, ð̄̄ мы находим в джавском палатальные ð̄ и ð̄̄ или ш и ж.

И если мы без колебаний утверждаем, что и в книгах Ялгузидзе и в работе Г. Розена представлен именно джавский диалект, то это прежде всего потому, что у того и у другого находим ясно выраженное и последовательное чокание.

К тому же, что касается Розена, то он сам говорит, что главный его осведомитель был родом из Цхинвали. А Цхинвали находится в пределах распространения как раз джавского диалекта. Но у того же Розена мы находим интересное замечание: «d̄ und ð̄ werden dialectisch sehr häufig miteinander verwechselt». Если ð̄ и ð̄̄ чередовались по диалектам, то мы в праве предполагать параллельное чередование ð̄ и ð̄̄. А все это указывает на то, что в числе осведомителей Розена, помимо представителей джавского наречия, были также представители других наречий, быть может туальского или ксанского.

Историю джавского диалекта мы имеем возможность проследить на протяжении столетия с лишним. Исследование Г. Розена относится к сороковым годам прошлого века. Церковные книги Ялгузидзе появились в двадцатых годах прошлого века. Наконец, недавно в Тифлисе найдена опубликованная проф. Г. Ахвледиани небольшая рукопись светского содержания, принадлежащая перу того же Ялгузидзе и относящаяся к 1802 году. Столетие с четвертью—небольшой срок в истории языка, но мы видим, что за этот промежуток времени джавское наречие подверглось в своей фонетике весьма существенным изменениям. Если при Ялгузидзе и Розене оно было *чокающим*, то теперь его придется охарактеризовать как *шокающее*; в соответствии с иронским аффрикатам ð̄ и ð̄̄ мы имеем теперь в джавском уже не палатальные аффрикаты ð̄ и ð̄̄ (как у Розена и Ялгузидзе), а палатальные спиранты ж и ш.

Иронское	Розен (Ялгузидзе)	Совр. джавское
ðurən (говорить)	ðurən	jurən
ðärən (жить)	ðärən	šärən

Старые ð̄ и ð̄̄ удержались еще в некоторых положениях:

- 1) после n: əŋðayən (вместо ожидаемого əŋšayən),
- 2) после t, d: fätðägdän (вместо fätjägdän),
- 3) при удвоении: qätðä (вместо qänšä).

Другая, еще более важная фонетическая перемена, которую претерпел джавский диалект за последние 70—80 лет, заключается в следующем: у Ялгузидзе и Розена мы находим велярные согласные q, g, k палатализованными перед передними гласными i, e, ə, какэ то и сейчас наблюдается в архаичном дигорском наречии; но они в то время не перешли еще в соответствующие палатальные аффрикаты ç, ç̄, ç̄̄. К нашему же времени этот переход полностью совершился, и сейчас джавский диалект в этом отношении не отличается от иронского.

У Розена и Ялгузидзе: q'1 («кто»), q'1næg («книга»), nog1 («еще»), lägi («человека»). Теперь: ð1, ð1næg, noðə, läðə.

Есть основания думать, что и в иронском этот переход велярных в аффрикаты совершился лишь немногим раньше, чем в джавском. Во всяком случае А. Шёгрэн в своем труде «Ирон севзагахир» характеризует указанные согласные в иронском как переходные от велярных к палатальным аффрикатам.

Если в смысле трактовки общеосетинских аффрикат джавский диалект может быть назван шипящим, то в отношении общеосетинских сибилантов — он, напротив, обнаруживает, в отличие от иронского, свистящность. Нужно заметить, что во всех почти иронских говорах нет ни зубных s и z, ни палатальных ш и ж, а есть промежуточные между ними характерные переднеязычные сибиланты sm и z, свойственные также соседним языкам черкесской группы. Природа этих звуков ускользала от исследователей-осетиноведов. А. Шёгрэн и Вс. Миллер без колебаний транскрибируют их через русские с и z, ничем не оговаривая, что произношение их отлично от русских сибилантов. Напротив Andreas и А. Christensen, которые слышали живую осетинскую речь из уст тех же иронцев, также повидимому без колебаний передают их буквами š и ž (=ш и ж).

Лично я, определяя sm и z как средние между s и z с одной стороны, и ш и ж с другой, имею в виду преимущественно акустический эффект. Что касается физиологической их природы, то они нуждаются в более тщательном исследовании средствами экспериментальной фонетики.

Как бы то ни было, в джавском наречии эти характерные для иронского сибиланты отсутствуют, и их замещают «чистые» зубные s и z: ир. kus_m — дж. kus («ухо»), ир. zarəp — дж. zarəp («петь»).

Вот все наиболее существенное, что придает характерный облик джавскому наречию в области консонантизма.

Что касается вокализма, то и здесь имеется ряд особенностей, не столь очевидных с первого раза, но при внимательном наблюдении оказывающихся не менее интересными. Прежде всего во всех юго-осетинских наречиях и говорах гласные в общем уже, чем в северо-осетинских. Джавский диалект в этом отношении не составляет исключения. Но этим дело не ограничивается. Оказывается, что все джавские гласные можно по их артикуляции разделить на две группы: одни сопровождаются округло-губной артикуляцией, другие — растянуто-губной. В первую группу входят гласные а, о, у и во вторую ä, 1, е, ә.

Могут заметить, что гласным о, у по самой их природе свойственно огубление. Это конечно так, но при сравнении джавской артикуляции этих гласных с иронской нельзя не заметить, что насколько в иронском лабиализация слаба, вяла, настолько в джавском она отчетлива, напряженна. Северный осетин артикулирует гласные широко, но вяло, джавский осетин узко, но напряженно. Грубо выражаясь, первый во время речи больше работает мускулами челюстей, второй — мускулами губ и языка. Пользуясь знаками, принятыми акад. Н. Я. Марром для абхазских согласных, мы транскрибируем гласные первой группы так: а_o, о_o, у_o второй — ä, 1, е, ә.

Чтобы покончить с фонетикой, укажу еще на одно явление: в некоторых словах, начинающихся в иронском с гласного «а», джавский предпосылает ему полугласный w: ир. arəp («находить») — дж. warəp.

Ударение в джавском наречии музыкально-экспираторное, с преобладанием тонического момента над экспирацией. Законы распределения ударения те же, что в иронском.

Насколько джавское наречие оригинально по своей фонетике, настолько в морфологии оно целиком примыкает к иронскому. Система склонения совершенно тождественна иронской. Что касается спряжения, то здесь мною замечены следующие отклонения от иронских парадигм: 3 л. ед. ч. буд. вр. = jep (ир. = dän), напр. wəjep («будет»), ир. wəđän; 3 л. ед. ч. условн. накл. настоящего и прошедшего времени оканчивается на ə (в иронском на d): шагə, шагдаə («жил бы»), ир. řägid, řardaid. 3 л. ед. ч. повелит. накл. также имеет ə вместо d: шагəə («пусть живет»), сев.-ир. řägäd.

В синтаксисе джавского диалекта не замечено никаких особенностей, заслуживающих быть отмеченными.

В лексике обращают на себя внимание грузинские влияния, о которых еще будет дальше.

Текстов на современном джавском диалекте, удовлетворительно напечатанных, до последнего времени не существовало. У Вс. Миллера в III части «Осетинских этюдов» есть три текста, записанные в 1883 г., но они полны весьма странных противоречий: в соответствие иронскому ð мы находим у него то ć (ćagðvñ), то ш (барш), то ч (кärч); в соответствие иронскому ä у него то z (тугзvx), то ж (хəжар). Старые велярные согласные перед передними гласными у него даны то как палатализованные (k'izg, lägi), то как палатальные аффрикаты (zardžvta) и т. п.¹

В настоящее время мы располагаем обширным собранием текстов на юго-осетинских наречиях в виде «Памятников юго-осетинского народного творчества», вып. I—III, изданных Юго-осетинским научно-исследовательским ин-том краеведения, под редакцией А. Тибилова в гор. Цхинвали (ныне Сталинир).

Наряду с другими юго-осетинскими наречиями там обильно представлен и джавский диалект. Как образчик этого диалекта мы помещаем здесь заимствованный отсюда небольшой мифологического характера текст, снабдив его переводом и разъяснениями.

ДЖАВСКОЕ НАРЕЧИЕ

ƒfsaðiyə zarəg

Песня ƒfsaði¹

Dəwwadäsäy Badiladä bafänd qottoy: «šomud səttən-qommä, ƒfsaði nən kädtsiə rattid». Uy sä bəq wəd səgdäg sawloqag, uy sä ðopp wəd səgdäg eräjəpp uy sä qard wəd səgdäg saw kandal, uy sä nəmad—səgdäg andiag.

Bawədəstə səttən-qommä əmä nək-kär qottoy: «Ratt nən, ƒfsaði!»

Wäd ƒfsaðiyə lappu Jujumarğ qoqə tuppäy wäd raqastı. Fästämä fezdäqt wäd yä fədmä əmä yən zaqta: «Aqäm adämərbawədi, uy sä bəq u səgdäg sawloqag, uy sä ðopp u səgdäg eräjəpp, uy sä qard u səgdäg saw kandal, uy sä nəmad səgdäg andiag; qəəd baqanon, dada məra, qəə kər qənənð: ratt, ƒfsaði!»

ƒfsaði zaqta: «Awaj syn iw kəbəl»; kəqəl dən rawaqta. Zilgä—zilgä rəmədi dälə qommä. Badiladä dəwwadäsäy əmifəgd qottoy, əmşaf əl sä qottoy,—qal-ərdu jə nə fəkuttoy; kəbəl sām razdäqt, şəgdən sä baydatta. Dəwwadäsäy sä qərəjiyəl sug-şəjəgd əsqotta.

Dəkkag qast raqotta Jujumarğ əmä zaqta: «Dälə ða iw lägərbawəwə. Aqäm läg u: zilgä zəngoy əmä samərtı, kəsən wələfəw əmä kəbəl-əşəg, yä ðopp ða u rəqsəndäy bast».

Двенадцать [из рода] Badiladä² задумали: «Пойдемте в Оленье ущелье, не даст ли нам чего ƒfsaði». Уж и конь у них был настоящей шавлоховской [породы]³, уж и ружье у них было — настоящий eräjəpp⁴, уж и шашка у них была — настоящий черный kandal⁵, уж и бурка у них — настоящая андийская⁶.

Вошли в Оленье ущелье и воскликнули: «Подай нам ƒfsaði!»

Тогда сын ƒfsaði, Jujumarğ, посмотрел с вершины горы. Вернулся назад к отцу и говорит ему: «Такие пришли люди: уж и лошадь у них — настоящая шавлоховская [и т. д.]; как мне поступить, отец, ведь они кричат: «Подай, ƒfsaði!».

ƒfsaði сказал: «Выпусти им одного поросенка [т. е. кабана]». Поросенок он выпустил. Описывая круги, спустился он вниз в ущелье. Badiladä [все] двенадцать одновременно заряжали [ружья], одновременно стреляли в него, — ни одного волоска у него не задела [буквально, не уменьшили]; поросенок к ним обернулся, стал их убивать. [Все] двенадцать он навалил друг на друга, как дрова.

Второй раз посмотрел Jujumarğ и сказал: «Вон идет опять один человек. Такой он человек: ноговицы сворочены [в сторону] и скверные artı⁷, накидка из грубой шерсти и деревянная застежка на шее; а ружье у него перевязано ремешками».

¹ «Осетинские этюды», III, стр. 170—177.

Yä bon nekallta, uy ða u Jutte Qush, qämdär ða fäzändi.
Ushä kəbələ sətta, kəzən äm bay-detta, qäläy qälmä, səfäy səfmä, əmä yä feqsta. Raðəldi əmä yä razmä rəldi.

Dəwwadäsäy Badiləðän sä jawma-ðä raðəmbəl lasta. Udon, uşə ran dəwwadäsäy qäräy, yel şağdäy baz-zadəstə. Yä kəbəl dər ye 'kkoşy ra-qotta.

Записано А. Тибилловым от сказителя Bair'a Kəbəsðə из сел. Səğdðä (Дамцвари) Юго-Осетии.

Примечания:

- ¹ ʒfsəði—бог охоты у осетин;
- ² Badiləðä—знатный осетинский род;
- ³ Şawloğag (şawloğag)—прославленная порода лошадей;
- ⁴ eğəjəpp, eğədəpp—высокоценный в старину вид ружья;
- ⁵ kəndəl, kəndəl—род высокосортной стали;
- ⁶ жители Андийского округа в Дагестане славились на весь Кавказ качеством изготавливаемых ими бурок;
- ⁷ ärti, ärti—обувь у горцев, приспособленная к лазанью по горам;
- ⁸ Jutte Qush—собственное имя знаменитого охотника;

Восточное ксанское наречие охарактеризовано мною вкратце в ДАН в 1927, стр. 88. Теперь могу сказать о нем еще следующее.

Если заселение осетинами джавского и кударского районов, а тем более туальского следует относить к достаточно отдаленной эпохе, отодвигая его на несколько столетий, то нельзя того же сказать о Ксанском. И исторические и языковые факты подтверждают, что поселение ксанских осетин в теперешних местах по Ксанскому ущелью произошло не так давно, примерно в последние 150 лет. Они выселялись, гонимые малоземельем и нищетой, из различных высокогорных районов Северной и Южной Осетии и принесли с собой мешанину говоров и наречий. И вот здесь, в процессе сожительства и общения друг с другом и с грузинами, все эти говоры теряют понемногу свои индивидуальные особенности, нивелируются, приходят к одному знаменателю. При этом то новое наречие, которое вырабатывается, не есть результат победы какой-либо одной из первоначальных диалектических групп, а нечто во многих отношениях новое. Процесс этот еще не закончился, и быть может было бы поэтому преждевременно и неосторожно говорить об едином ксанском наречии.

Однако основные контуры формирующегося наречия намечались достаточно четко, чтобы можно было бы дать перечень особенностей, отличающих его как от иронского, так и от джавского наречия:

1. Сужение, закрытость гласных.
2. Протяжность произношения, главным образом за счет неударных слогов, которые ослабляются не в такой мере, как в иронском.
3. Иронский губной полугласный w замещается нередко губнозубным спирантом v: lävvən («стоять») — ир. lawwən, dävän («тебе») — ир. dävän.
4. На месте иронских переднебных сибилантов sm, z находим, как и в джавском, зубные s, z; напротив, в отношении аффрикат ксанский диалект примыкает к иронскому, т. е. является цокающим.

Черты, характеризующие ксанское наречие, приходилось наблюдать и за пределами ксанского района в речи осетин, переселившихся в недавнее время в районы сплошного грузинского населения. Это говорит как будто в пользу того, что, когда иронский язык приходит в тесное соприкосновение с грузинским, наиболее вероятным результатом такого соседства будет для иронского появление признаков, характерных именно для ксанского на-

Счастливым, это опять Jutte Qush, снова он откуда-то появился.

Завидел [он] того поросенка, стал к нему красться от былинки к былинке, от листочка к листочку и выстрелил. Покатился [кабан] и к нему скатился.

У двенадцати Badiləðä он забрал одежды. Они же на том месте [все] двенадцать остались, наваленные друг на друга. А поросенка он взвалил на себя.

речия, в первую голову—сужение гласных и замена характерных иронских сибилантов sm и z зубными s и z.

Перехожу к грузинским элементам юго-осетинской речи.

В настоящее время можно, думается, принять как бесспорное следующее положение: осетинский народ в современном его состоянии есть результат смешения некоего северно-иранского народа с яфетическими, а частью также, быть может, с тюркскими племенами. Этот процесс смешения продолжается по сей день, и грузино-осетинские отношения Юго-Осетии дают сейчас, с известными поправками, картину того, что могло происходить и происходило в другой обстановке на протяжении столетий. Я говорю: «с поправками» потому, что обобщать современные факты и переносить их огулом на доисторию было бы рискованно ввиду ряда специфических условий, в которых протекают современные осетино-грузинские отношения.

Грузинское влияние с особой силой сказывается на осетинской лексике. Материал, собранный мной в этой области, далеко не является исчерпывающим, так как мне не удалось посетить ряда интересных районов, в частности нескольких осетинских островков, вкрапленных в сплошное грузинское население.

Грузинские слова, которые ниже приводятся, употребляются осетинами джавского и ксанского районов главным образом в тех деревнях, которые вплотную подходят к грузинским поселениям. С удалением от границ Грузии количество грузинских элементов уменьшается, но остается все же значительно большим, чем в иронских говорах. Большинство слов, если их рассматривать по грамматическим категориям, принадлежит к именам существительным.

Значительный процент слов в самом грузинском усвоен последним из персидского, арабского, турецкого и др., но их форма в осетинском (в частности окончание груз. имен. падежа) не оставляет сомнения в том, что они проникли в осетинский через грузинское посредство.

Грузинские заимствования в осетинском распределены мною по категориям: «Хозяйство», «Утварь», «Одежда» и проч., а в конце дан перечень фонетических изменений, которые претерпевают грузинские слова на осетинской почве.

ГРУЗИНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

(джавское наречие)

Труд, хозяйство	uremi арба
ðoqi мотыга	gerdi ось, стебель
lamgan серп, гр. mangal-i	Одежда
tewri борона, гр. kevi	kaşa женское платье
oqoqa соха на двух быков	qetadi халат
tetu палка, гр. keti	şeqma, şeqma сапог
ðobaqi или ðombaqi палка, гр. ðo-maqi	koqodi лапоть, гр. koqunqi
taraqi оружие	ðusti чувяк
qelna оглобля саней	tynda чулок, гр. tinda
meseri плетень	Пища
samdeli саманник, гр. sabdeli	tadi кукурузный хлеб, гр. tadi
beşeli амбар	gunda тесто в виде шарика
şaborne пекарня	erbokerðqi личница, гр. erbokverðqi
şurne пекарня	matoni простокваша
ezo двор	muraba варенье
baqi сад	Растения
tala долина, гр. tala	lobia фасоль, гр. lobio
bari равнина	şimindi кукуруза
teri стог	taro кукуруза в стебле
kwali борозда, колея	
qiða улица	
manadi рубль	

kombosto капуста
 iwani zelen', *sp.* m'vami
 qondari вид зелени
 vardi rosa
 na фиалка
 kakano мак
 qaq'a лук, *sp.* qaqvi
 kwaqi таква
 sazandro, zazandro арбуз, *sp.* sa-
 zamdro
 staqilo морковь
 kakali opex
 arumbali черешня, *sp.* alubali
 atami персик
 kommi айва
 gulabi сорт груш

Животные

zaqi буйволенок, *sp.* zaqi
 kambes, kambes буйвол, *sp.* kameq-i
 aqmeli верблюд, *sp.* aqlem-i
 mamali петух
 duqi, juqi, juqi индейка
 indouri, indouli индейка
 bati гусь
 iqwi утка
 kashkash сорока, *sp.* kashkash
 shoshani скворец

Жилище, утварь

odaqi комната
 kwari дрань, *sp.* kavari
 kedeli стена
 qandara окно
 buqari камин
 daqda, daqda, daqda доска у стены
 dago доска у стены
 shanaqi кадка, *sp.* shanaqi
 fami, jami миска
 qonda большое блюдо
 deqni тарелка
 uqra, uqra выдвижной ящик
 kidobani ящик
 samdeli евеча, *sp.* sandeli
 pawbi керосин
 shina стекло
 dangali, mangali подсвечник
 melani чернила
 sha сньюка
 sabani оденло
 leybi тюфик
 miqaka круглая диванная подушка
 qeldaqodi полотенце
 pirsaqodi цосовой платок
 zetari простыня
 suqra скатерть
 qalida, qalima ковер
 qardaqi занавес, *sp.* qardagi
 ilori циновка, *sp.* ilori

qaverdi бархат
 miqkali миткаль
 bayraqi знамя

Числительные

asi сто
 abasi тысяча
 pirveli первый

Прилагательные

oqeri покинутый
 ubeduri несчастный
 qosa лысый

Наречия, союзы и проч.

toresh как раз, *sp.* storeh
 isew опять
 qolob только, *sp.* m'qolob
 rodi в значении отрицания
 rogorob как
 aqla теперь
 raqa ну, же
 ki же
 qom ведь
 netawi «utinam!»
 aba ну!
 erdidkwid одним словом, *sp.* erd
 kvid
 demqeqemsa выражение презрения,
sp. dem qeqemsa букв. «моим ногам»
 kado обращение: человек!
 demo dmo обращение: брат мой!
 ra wiqi не знаю

Космические понятия

qwekana мир, *sp.* qwekana
 haeri воздух

Термины родства

saqlikaqi родственник
 simamri тесть
 sidedri теща
 meqware посаженный отец
 makari дружка (свадебный)
 deda мать
 mama отец

Глаголы и abstracta

unda нужно
 iqneba может быть
 loqa молитва при знахарстве, *sp.*
 loqva
 qamo иди сюда
 gatireba нужда, *sp.* gatireba
 sernoba гуляние, *sp.* sernoba

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГРУЗИНСКИХ СЛОВ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Перестановки

aqmeli
 langan
 k, g, q → t, d, θ
 zaqi
 duqi, teti, tewri, qardaqi

Спирантизация

kashkash, qalima

Замена

indouli, teri, tadi, gatireba
 qobaqi, kambeθ, daqda
 samdeli

Выпадение

loqa erbokerθqi
 toresh, qolob
 erdidkwid

Диссимилиция

arumbali

Ассимиляция

zazandro

Часть приведенных мною слов употребляется на всей территории Юго-Осетии, кроме высокогорных обществ. Остальные в ходу только в районах смешанного осетинско-грузинского населения. Любопытно, что в значительном числе случаев осетины, употребляя грузинский термин, знают также его осетинский (иронский) эквивалент и sporadicheski его употребляют. Можно выделить три категории понятий. Одни обозначаются исключительно осетинскими терминами, другие — исключительно грузинскими и, наконец, третьи (и таких немало) можно выразить по желанию либо осетинским словом, либо грузинским, не рискуя быть непонятым. Можно говорить ego (*spuz.*) или qarθ (*oset.*) — двор, qida или weng — улица, manadi или som — рубль, leybi или goban — тюфик, deqni или dabag — тарелка.

Можно подумать, что такая замена по желанию одного термина другим основана на общем хорошем знании грузинского языка осетинами данного района. Однако это не подтверждается. Во-первых, не везде имеет место такое хорошее знакомство с грузинским языком. Во-вторых, даже там, где оно есть, оно составляет монополию мужчин. Женщины и дети обычно таким знанием грузинского языка не обладают. Между тем и они указанным категорию слов выражают двуязычно. При этом дети, разумеется, не подозревают, что два употребляемые ими для одного понятия термина принадлежат двум различным языковым системам. Для них — это синонимы. Только уже с возрастом и углубленным знанием грузинского языка термины дифференцируются как грузинские и осетинские, но продолжают употребляться параллельно.

Наконец, мною отмечен ряд случаев, когда оба слова, грузинское и осетинское, употребляются одновременно, усиливая друг друга и как бы сливаясь в одно слово: yaqi yel naitafta q.ed (*oset.*)-rogorθ (*spuz.*) mgeli — он бросился на него, как-как волк; aba (*spuz.*)-dau (*oset.*) raqi — ну-ну иди!; nar (*oset.*)-aqla (*spuz.*) de qanon — что мне теперь — теперь делать.

Такого рода слова принадлежат обычно к второстепенным частям речи — союзы, наречия, междометия.

Аналогичные явления отмечены в области морфологии, а именно — двойное множественное число: eb-i (*spuz.*) + da (*oset.*) — deqmebidā «сапоги» от deqma «сапог».

В общем же морфология почти не задета грузинским влиянием, если не считать таких lapsus linguae, когда осетинское слово снабжается грузинским падежным окончанием и т. п.

Особенную сохранность, даже в районах максимального грузинского влияния, обнаруживает осетинская система глагола. Глагол является, несомненно, самым стойким, самым консервативным элементом осетинской речи. Консерватизм осетинского глагола выражается не только в том, что чужие глаголы не заимствуются или заимствуются в неопределенной,

аморфной форме, но и в том, что самая структура осетинских глагольных форм не претерпевает никаких изменений под грузинским влиянием.

Объясняется это не столько, мне думается, тем, что в области морфологии влияния вообще невозможны, сколько тем, что между осетинской и грузинской системами глагола существует глубокое различие, которое делает их чуждыми и непонятными друг другу.

Различие это можно сформулировать так: осетинское спряжение—это система суффиксов (флексий), грузинское спряжение—система префиксов. Конечно, в осетинском глаголе играют известную роль префиксы, а в грузинском—еще большую суффиксы, но в основном такая характеристика правильна. И подобно тому, как не смешиваются две слишком разнородные жидкости, так две чуждые и далекие друг другу системы речи не дают при самом тесном общении смешанных форм.

Таким образом приходится думать, что при общении двух языков их способность влиять друг на друга, в смысле образования смешанных форм, находится в известных пределах в зависимости от характера и строя этих языков и от степени их близости друг к другу. Решающее же влияние на результаты междуязыковых отношений имеют причины общественно-экономические, политические и культурно-исторические. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за пределы предлагаемого очерка¹.

¹ Предварительное сообщение по теме предлагаемого очерка помещено в ДАН, 1927, стр. 90 сл.: В. Абаев, Диалектологический обзор Южной Осетии.

UEBER DIE SPRACHE DER SÜD-OSSETIER

W. Miller und einige andere Ossetinologen stellten die Behauptung auf, dass die Bewohner des südlichen Ossetiens eine einheitliche «tualische» oder «dwalische» Mundart der ost-ossetischen (Iron-) Sprache sprechen. Als Grenze zwischen der tualischen Mundart und dem nördlichen Iron-Dialekt sahen sie die Hauptkette des kaukasischen Gebirgsmassivs an. Diese Behauptung ist in zweierlei Hinsicht zu berichtigen.

1. Die Identifikation der tualischen Mundart mit dem Süd-ossetischen ist irrig. «Dwaletien» der georgischen (grusinischen) Quellen und «dual-dā» bei den Osseten entspricht nicht der Benennung von Süd-Ossetien, sondern der Benennung eines kleinen Gebietes im nördlichen Ossetien, am oberen Laufe des Ardon-Flusses, an der Grenze von Süd-Ossetien. Die Bewohner dieses Gebietes sprechen eine besondere Unter-Mundart der Iron-Sprache, die als charakteristisches Merkmal, ausser einigen weniger bemerkenswerten Besonderheiten, den Ersatz der in der Iron-Sprache üblichen dentalen Affrikaten ʃ und d durch die Sibilanten s und z aufweist.

2. Was nun Süd-Ossetien anbetrifft, d. h. Ossetien jenseits des Hauptgebirgszuges, so haben wir hier nicht eine, sondern mindestens drei Mundarten: die nördliche (Rokische), die süd-östliche (Ksanische) und die süd-westliche (Dschawische). Von diesen dreien unterscheidet sich die erste sehr wenig von der Nord-Iron-Sprache, so wie sie in den Arbeiten von A. Sjögren und W. Miller dargestellt ist. Für die zweite (Ksanische) sind die Verdünnung der Vokale, der Ersatz der alveolaren Nord-Iron-Sibilanten sm und z durch die reinen Dentale s und z , der Ersatz des Halbvokals w durch den labial-dentalen Spiranten v —phonetisch charakteristisch. Was den Wortschatz anbetrifft, so ist hier eine Fülle georgischer (grusinischer) Elemente bemerkenswert.

Die dritte, dschawische Mundart hat eine Reihe phonetischer Besonderheiten, von denen die wesentlichste und entscheidendste in folgender Eigentümlichkeit besteht: den allgemein-ossetischen dentalen Affrikaten ʃ und d entsprechen in der dschawischen Mundart die palatalen m , j , oder ʃ , d . Es ist schwer zu entscheiden, ob in dem gegebenen Falle der dschawische Dialekt die alt-iranischen Palatale erhalten hat, oder ob sie in ihm als sekundäre Erscheinung auftreten. Das Letztere erscheint mir wahrscheinlicher. In dem Wortschatze der dschawischen, wie auch der ksanischen Mundart finden wir viele georgische Wörter.

Die dschawische Mundart hat Texte aus dem Anfang des XIX Jahrh., die von Jalğusidze aufgezeichnet sind, aufzuweisen, und diese Mundart ist auch der Untersuchung von G. Rosen: «Ueber die Ossetische Sprache» (Abhandl. d. k. Ak. d. Wiss. zu Berlin, 1846) zu Grunde gelegt. Wenn wir den modernen dschawischen Dialekt mit dem dschawischen Dialekt, wie er in den Texten von Jalğusidze und in der Arbeit von G. Rosen fixiert ist, zusammenstellen, kommen wir mit Notwendigkeit zu der Schlussfolgerung, dass man in dieser Mundart im Laufe des letzten Jahrhunderts eine tiefgehende Lautverschiebung festzustellen hat: die velaren q , g , k sind vor den Vokalen i , ə , e konsequent in palatale Affrikate ʃ , d , t übergegangen. Wir haben Grund anzunehmen, dass auch in anderen Iron-(ost-ossetischen)-Mundarten dieser Übergang nur etwas früher stattgefunden hat. Der digorische (west-ossetische) Dialekt allein ist von dieser Lautverschiebung nicht berührt worden.

INSTITUT S. KIROW DES RECHERCHES LINGUISTIQUES ET
HISTORIQUES AU CAUCASE SEPTENTRIONAL

LES LANGUES DU
CAUCASE SEPTENTRIONAL
&
DU DAGHESTAN

RECUEIL DE RECHERCHES LINGUISTIQUES

Sous la direction de
G. SERDUTCHENKO

I

MOSCOU 1935

494.6

Я 41

Из б-ки проф. Гягкяева К.Е.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ С. М. КИРОВА

ЯЗЫКИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И
ДАГЕСТАНА

СБОРНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Под редакцией
Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

I

ЦЕГАТ ИРЫСТОНЪ
Болукек-Иртасег Институтъ
БИБЛИОТЕКА

№ 65227

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1935 — ЛЕНИНГРАД